

Что происходит? Где я?

Вокруг раскинулся зеленый луг, окруженный серебристо-белыми постройками, а неподалеку блестело озеро в форме полумесяца. У ограды росло множество широколиственных деревьев, чья темно-зеленая листва перекликалась с нежно-розовыми и лиловыми цветами. Небо казалось таким близким, что, казалось, протяни руку — и сорвешь звезду. Все вокруг выглядело сказочно и уютно.

— У-у-у...

Донеслись тихие всхлипывания. Ле Сяоми пошла на звук и увидела нечто белое и пушистое, сидевшее на корточках и вытиравшее слезы. Она осторожно приблизилась, и белый комочек внезапно обернулся. Взгляд огромных, чистых, как горный ручей, глаз, полных слез, был таким жалким, что сердце сжалось.

— Странная сестрица?

— Я? Странная сестрица? — Ле Сяоми указала на себя.

— Почему ты больше не прозрачная? Ты стала человеком? — Белый комочек подбежал к ней, размазывая слезы по щекам, и дернул ее за одежду.

Только сейчас Ле Сяоми обратила внимание на свою руку, которой указывала на нос — изящная, осязаемая кисть! Она замерла, а затем бросилась к озеру, чтобы посмотреться в воду.

— Это... я? — В глади отразилось давно забытое, утонченное лицо. Исчезла короткая стрижка, а длинные волосы придавали облику особую мягкость.

— Я снова стала собой! Я... я вернулась! — Переполненная чувствами, она не знала, что делать от радости. Подпрыгивая, она подбежала к белому комочку, ощупывая свое лицо пухлыми ладошками, и воскликнула: — Я наконец-то стала прежней! Потрогай, это по-настоящему, правда!

Белый комочек, глядя на то, как Ле Сяоми то плачет, то смеется, постепенно перестал рыдать. Почувствовав под пальцами нежную, гладкую кожу, он, не отрывая взгляда от сияющей девушки, прошептал:

— Сестрица, в прошлые разы ты так напугала тех, кто меня обижал! Они говорили, что ты призрак. Но я-то знаю, что ты хороший человек! Ты ведь прислана матушкой, чтобы оберегать меня, да? Ты стала человеком, и теперь такая красивая, а еще от тебя исходит тепло!

— Правда? Правда? — Ле Сяоми казалось, что все комплименты, которые она слышала за всю свою жизнь, не стоили этого одного слова — красивая. Она была на седьмом небе от счастья!

Забыв о том, что за прошлые разы имелись в виду, она крепко обняла мягкий пушистый комочек, зацеловала его круглые щечки, а в конце чмокнула в нежные губки. Малыш тут же покраснел, как яблоко, и опустил голову, не зная, как реагировать.

— Ты такая милая, крошка! Сестрица тебя обожает! Ой, кстати, почему ты здесь плачешь в одиночестве? — Только после приступа восторга Ле Сяоми вспомнила, что этот маленький бедолага еще минуту назад заливался слезами.

— Я... они снова шептались за спиной... говорили, что я совсем не похожа на покойную матушку, что я толстая и жирная, что меня наверняка нашли на улице как бездомного щенка. Говорили, что, как только отец женится на новой супруге, меня прогонят, — по мере рассказа крупные слезы снова покатались из глаз. — Я знаю, отец очень занят, он не может играть со мной и проверять мои уроки. Раньше матушка пела мне колыбельные, чтобы я уснула. После того как она ушла, я не смею просить о таком. Я просто... я просто хотела перед сном увидеть отца и сказать ему: сегодня вы так устали, но даже без матушки у вас есть я. Но... но... — Малыш упрямо вытирал слезы, которые никак не заканчивались.

Ле Сяоми вдруг вспомнила себя в детстве. После смерти родителей она жила у дедушки, и вредные мальчишки дразнили ее, называя никому не нужной сиротой. Она одна против троих дала им отпор, и те рыдали так, что больше никогда к ней не приближались. Никому не сказав о своих ранах, она по ночам пряталась под одеялом, обнимая последнюю куклу, подаренную мамой, и плакала до самого утра.

Она прижала маленького бедолагу к себе, поглаживая его мягкие волосы:

— Цзинь'эр, ты умный и чуткий ребенок! Те, кто называет тебя толстым, просто ничего не смыслят в жизни. Каждый толстячок — это скрытый бриллиант! Когда вырастешь, станешь такой же красавицей, как твоя матушка, даже красивее, чем я!

— Правда?!

— Конечно! Сестрица никогда не врет! — Она произнесла это с таким спокойным лицом, будто сама верила в свои слова.

— А что такое... скрытый бриллиант? — Малыш с любопытством склонил голову набок.

— Ох... это значит... что если будешь стараться, то станешь лучшей версией себя! — Ле Сяоми поняла, что подробные объяснения здесь ни к чему. — Ладно! У сестрицы сегодня отличное настроение. Раз матушка не может спеть тебе колыбельную, давай я спою?

Увидев, как заплаканное личико тут же просияло, Ле Сяоми слегка улыбнулась и, немного подумав, запела:

— Ветер — это ты, дождь — это ты, снег, упавший на ладони — это ты.

Весна — это ты, лето — это ты, зимнее теплое солнце — тоже ты.

Цветы — это ты, облака — это ты, первый утренний свет — это ты.

Песня — это ты, картина — это ты, каждая написанная строчка — это ты.

Это ты, только ты.

О ком я думаю, о ком грущу, кого люблю — это ты.

Это ты, все это ты.

Закрываю глаза, и сердце полно лишь тобой...

Песня звучала нежно, казалось, даже небо и земля замерли, чтобы послушать ее... Ле Сяоми видела, как глазки малыша медленно закрываются, а длинные ресницы подрагивают. Как кто-то может причинить боль такому милому созданию? Она нежно поцеловала его в лоб...

— Кто посмел так дерзко себя вести!

В тот же миг, когда за спиной раздался окрик, Ле Сяоми почувствовала мощный толчок. Ее отбросило в сторону, она разлетелась с малышом в разные стороны и тяжело рухнула в воду.

— А-а-а! — Перед самым погружением в воду она видела лишь испуганное лицо ребенка:

— Сестрица!

<http://bllate.org/book/21752/2249074>